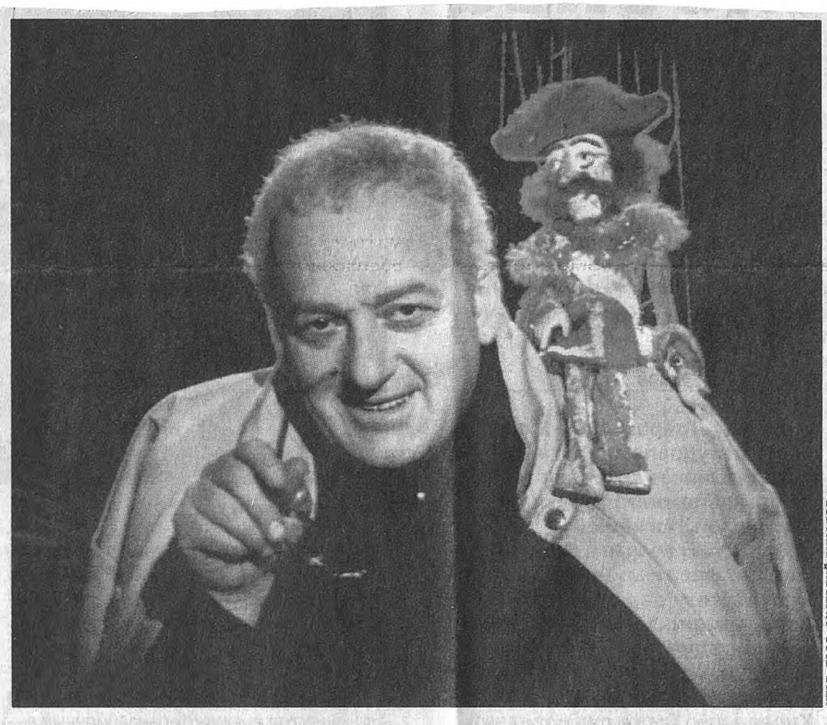
«Я хотел быть похожим на Тарзана»



ИТАР-ТАСС. АНАТОЛИЙ РУХАДЗЕ

Окончание. Начало на стр. 1

В полночь наступила тишина, я все-таки открыл окно, а потом не удержался и спустился. Это было два-три часа ночи, и шла репетиция похорон маршала Б-яна (назовем его так, потому что маршал этот ни в чем уже не был виноват, и царство ему небесное). Но оставшиеся в живых занимались, прямо скажем, несколько неясным делом – они до утра репетировали похороны. Они держали в руках свои шапки и шли со стороны «Метрополя» сначала вольно, но с поворота уже изображали печаль, потом они обходили нашу гостиницу и снова появлялись. У них был режиссер, который в этих переходных моментах грусти, скорби сам подавал пример, как это надо делать. Это была уникальная режиссура – репетиция похорон!

Я из провинциального города, и там у нас, в Кутаиси, был один человек, который единственный в городе спал до двенадцати часов, и власти ему это прощали точно так же, как прощали бакенбарды и усы. Прощалось это все потому, что он готовил первомайский парад. Последние две недели апреля площадь принадлежала ему. Тогда не было мегафонов, а была такая воронка с ручкой, и он, очень артистично стоя на трибуне, кричал: «Сейчас первая школа! Выше голову, голову выше! Женская первая школа уходит... Рабочие консервного завода!». Впереди рабочих шел грузовик, на грузовике вертелась круглая площадка, а на ней – банка тушенки, находившаяся в недосягаемости от наших желаний. Она медленно крутилась, напоминая нам о жизни, и это был, быть может, самый сильный спектакль неживого театра. Потом эта банка не исчезла, но появилась сгущенка. Это был танец двух групп сгущенки вокруг красавицы тушенки. На этот спектакль смотрели портреты вождей... Знаете, есть один сильнодействующий прием, когда куда бы вы ни пошли – изображение смотрит на вас. Так рисовали Сталина. И вот фантастично было то, что вожди одновременно смотрели и на нас, и на тушенку, и на тех, кто стоял на трибуне. Все они видели и оценивали с той ответственностью и тем величием, с которым и должны были все это оценивать...

То, что я рассказал, – это первый кукольный спектакль, который я видел в жизни. Фантастический кукольный театр. Мы знали, что тушенка не меняется из года в год, она крутилась до 1956 года, потом она все-таки погибла, кто-то сожрал ее. В связи с падением официальной морали после 1956 года она исчезла буквально у нас на глазах, а ведь кружилась с 1932-го! По 56-й! Народ был дисциплинирован, он знал, что тушенка – это красота, и сгущенка тоже была красотой... Да, социализм стал испытанием основных ценностей души, искусства. Можно с радостью сказать, что традиции, ценности мы сохранили, несмотря на невосполнимые потери.

– Все 60–70-е годы вы работали в кино. 30 сценариев фильмов, известность, популярность. Потом вдруг возник Театр марионеток и стал самым главным. Как это случилось?

– Каждый раз на этот вопрос, мне кажется, я отвечаю искренне, и каждый раз я говорю неправду... Мифология творчества у меня начинается буквально через минуту. Ведь люди один и тот же факт часто рассказывают по-разному. И я рассказываю по-разному. И, наверное, все версии правдивы...

Двадцать лет я работал в грузинском кино. От этого я очень устал и сел в саду подумать, что мне делать дальше. Одно было ясно: в кино я больше не могу оставаться и не вернусь, если даже мою шапку закинут туда...

Соблазн вернуться в литературу я подавил легко и без грусти. Еще в молодости мне объяснил один сведущий в этом деле человек, что на каждый, даже самый бездарный рассказ уходит некое количество гектаров леса. «Пусть моя доля леса шелестит нетронутой, а я усядусь в его тени и буду читать Марка Аврелия или Шота Руставели», – подумал я тогда и вышел из литературы, легко закрыв за собой дверь. После этого некоторое время я занимался живописью и скульптурой и, соблазненный яркой, легкой, шумной жизнью кино, позволил одному другу уговорить себя на два месяца попробовать свои силы в этом искусстве. Эти два месяца продлились двадцать лет – поистине библейский мазок в моей более чем скромной жизни.

И вот, седой, я оказался в саду в грустных раздумьях... «Живопись? Скульптура?» – вспоминал я с нежностью давно забытое, как вспоминают сладость первого поцелуя, забыв губы, которые дарили его. Куда мне идти?.. «В театр, что ли? – невесело подумал я. – Нет, театр – шумное место, не менее страстное и общественное, чем кино: там актеры и режиссеры, которых я, конечно, уважаю, но они такие же конфликтные люди, как и я. Нет, в театре я не смогу». И вдруг я вспомнил маленькую марионетку, увиденную случайно в молодости. Все это случилось в моей жизни потому, что больше всего на свете я любил свободу. Я все время убегал: оттуда – сюда, отсюда – туда, создавая себе иллюзию. Из живописи – в литературу, из кино – в скульптуру. Но это очень много дало мне в жизни. Как только что-то превращается в обязанность, как только я пойман обстоятельствами – я моментально могу уйти в другое дело, чтобы не делать того, что мне велят...

– Когда вы ушли в театр, вас считали безумцем и авантюристом... Трудно ли было начинать все заново?

– Тот, кто бывал в Тбилиси, помнит его старые горбатые улочки. За полтора тысячелетия они были восемь раз сожжены. Я ходил по этим стертым тротуарам и нашел один старый дом, который реставрировали. Как его получить? Начались бесконечные хождения по инстанциям. В сумке у меня лежала одна марионетка – довольно авантюристического вида. Я часто доставал ее из сумки и показывал в серьезных кабинетах. Кукла ошеломляла своей неуместностью в подобных местах. Я столько раз ее показывал, что у нее стерлись туфельки – немаловажная трогательная деталь, которая, собственно, и решила проблему в мою пользу. Мне дали половину этого здания, уступив другую половину делу менее сомнительному – ресторану. Между нами прорубили дверь, закрыли ее и ключ отдали не мне, а директору ресторана – решение, которым мог бы гордиться Макиавелли. В случае нашей неудачи дверь открывалась, и в нее входила шумная вкусная ресторанная жизнь... Я чувствовал себя Робинзоном Крузо, который, конечно, знал, что такое лодка, но сам ее никогда не делал. Интересное и захватывающее состояние духа... Так появился первый спектакль «Альфред и Виолетта». Когда на премьере я услышал аплодисменты, выйти на поклон не решился...

Вот я сейчас вспомнил. У моей бабушки были две кастрюли и одна крышка. О, эта крышка! Какое счастье доставила она мне в детстве! Эта крышка была рулем машины, на которой я путешествовал вокруг дома. Дворик – приблизительно десять квадратных метров. С тех пор я облетел мир, но такого полного пространства мира, какой был в этих десяти квадратных метрах, я не ощущал... Что там еще было, в этом дворе? Да, дерево ореховое и его кора. А эта кора – уже отдельный мир: там, в коре, были дороги, трассы, параллельные линии, пересекающиеся... Там были ущелья, по этим ущельям ходили муравьи, они встречались, а перед дождем куда-то исчезали... И голос бабушки из дома: «Не видишь, дождь уже начался?». Они – муравьи и бабушка – чувствовали это вместе, одновременно. И надо идти домой... И вот я сейчас подумал: я получил сцену тоже в десять квадратных метров. То есть сцена может быть больше, но я ее суживаю до этих десяти метров моего детства. И в них опять умещаются вся планета, дороги, история. Все это страннейшим образом совпадает.

– На днях вам исполнилось 68 лет. День рождения – прекрасный повод оглянуться на прожитую жизнь. С чего же все-таки начался ваш путь в искусство?

– Кажется, Иван Бунин говорил, что у него все это началось в 4–5 лет с эмоционального взрыва, после того как он случайно обнаружил в медицинской книге необычную фотографию человека в профиль на фоне гор с надписью: «Кретин в горах»... Многих в моем поколении толкнул в искусство крик Тарзана. У меня лично было несколько таких «Кретинов в горах», но именно на Тарзана, как и многие мои сверстники, я очень хотел походить! Мы натягивали веревки во дворе, но там мне было страшно, меня мутило, ничего не получалось. Кричать я умел, но стеснялся. А другие орали, как ослы. Это тоже можно было пережить. Но не это было главным. Все отрастили волосы. У Тарзана – Тони Вайсмюллера – они уходят назад и потом такой волной у шеи чуть-чуть поднимаются наверх – непревзойденная линия мужской прически! А я был курчавый – волосы торчали клочками, как у Пушкина Александра Сергеевича, из него Тарзан тоже вряд ли бы получился. У меня была только одна сильная фора: я безукоризненно плавал. В моей школе и в нашем дворе я был признанный авторитет. И поскольку я в воде молчал и наверху тоже молчал, то обратился к самому молчаливому искусству – скульптуре. Так Вайсмюллер помог мне заняться этим в самом нежном возрасте... Если тонко, внимательно, без фрейдизма рассмотреть этого «Кретина в горах», то там виден весь Бунин: горы, красота и удивительный человек на фоне этой горы. И маленький мальчик четырех лет смотрит на эту красоту и складывает из букв слово, очень красивое, между прочим, – «кретин»... Звучит, нет? А еще «в горах»! А по-итальянски еще лучше: «Крретино! Дэгенерратто!». Но это я услышал уже в старости...

СПРАВКА

Реваз (Резо) ГАБРИАДЗЕ родился 29 июня 1936 года в Кутаиси. Учился на историческом факультете Кутаисского педагогического института, на факультетах филологии и журналистики Тбилисского университета. В 1968 году закончил Высшие всесоюзные курсы сценаристов и режиссеров. В 1981 году создал и возглавил Тбилисский театр марионеток. С 1993 по 1995 год был художественным руководителем Театра кукол им. С. В. Образцова. Резо Габриадзе является автором пьес, режиссером и художником спектаклей, написал сценарии художественных фильмов «Необыкновенная выставка», «Чудаки» (режиссер Эльдар Шенгелая), «Не горюй», «Мимино», «Кин-дза-дза», «Паспорт» (режиссер Георгий Данелия). Резо Габриадзе – художник, скульптор (автор памятника Чижику-Пыжику в Санкт-Петербурге), мастер книжной графики. Персональные выставки проходили в Москве, Лозанне, Париже, Берлине, Петербурге. Живописные и скульптурные работы Габриадзе находятся во многих государственных и частных коллекциях в США, России, Германии, Израиле, Японии. Лауреат Государственной премии СССР. Заслуженный деятель искусств Грузии.